

среди караимов изречение: «Хорошенько вникай в писание», и другое: «Не полагайся на мое мнение».³⁸ Естественно, что караимы делились на множество разных толков и что в их интерпретации Моисеева закона и образе жизни проявлялись не только древние традиции, но и крайний индивидуализм.

Те последователи Анана бен Давида, которые все-таки полагались на его мнения, «ананиты», верили в переселение душ. Один из его преемников, Вениамин ал-Нахаванди (IX в.), под влиянием, как полагают, христианских представлений о творящем Слове, Логосе, учил, что бог создал только одного ангела и что именно этот ангел, а не сам бог, сотворил весь остальной мир.³⁹ Другой караимский мыслитель, Даниэль ал-Кумиши (IX—X вв.), вообще вслед за саддукеями отрицал существование ангелов.⁴⁰

«Исуниане», преемники самого раннего из известных нам лидеров раскольников Абу Исы ал-Исфахани (VII в.), признавали пророками, наряду с Моисеем, Иисуса и Магомета и, соответственно, изучали не только почитаемый ими превыше всего Ветхий завет, но и Новый завет и Коран. «Известно, что глава караимов (т. е. Анан бен Давид, — Г. П.), так же как и Абу-Иса, симпатизировал христианству и исламу. Аргументы в защиту своих вероопределений он черпал не только из Ветхого завета, но и из Евангелий и Корана».⁴¹ Подобным же образом поступали «мишавиты», ученики другого вождя антитаалмудистов — Мишавая (IX в.). Якоб ал-Киркисани, видный караимский автор X в., знакомый и с Кораном и с Новым заветом, писал об Иисусе, что тот запретил развод, позволил есть мясо всех животных «от мошки до слона» и, не проповедуя никаких собственных религиозных заповедей, говорил лишь, что религия состоит в смирении; раввинисты же, составив против Иисуса заговор, предали его в конце концов смерти через распятие; что же касается божественного происхождения Иисуса, то это приписал ему апостол Павел.⁴² Очевидно, в отношении к Иисусу Христу караимы, как и мусульмане, продолжали традицию тех иудеев евангельских времен, которые видели в нем «одного из пророков» («а иные говорили: это пророк, или как один из пророков» — Марк, гл. 6, ст. 15; «один из пророков» — Марк, гл. 8, ст. 28; «Великий пророк восстал между нами» — Лука, гл. 7, ст. 16).

При всей наружной индивидуалистической пестроте караимских толков «главной чертой караимского догматического и практического богословия, — утверждает большой его знаток Л. Немой, — является стойкий консерватизм; за двенадцать сотен лет своего существования караимство осталось, по существу, неизменным».⁴³ Что дело обстоит именно так в том отношении, что караимы и сейчас видят в Иисусе и Магомете пророков и готовы с Новым заветом в руках оспаривать христианскую точку зрения на Иисуса Христа как на сына божия, автор этих строк мог убедиться лично, беседуя с председателем духовного правления Трокайской караимской общины неподалеку от Вильнюса в Литве. Согласно одному из принципов их веры, кодифицированных в XV в. Илией Башиачи, «бог вдохновлял также других истинных пророков после Мои-

³⁸ См.: Z. Anko y. Karaites in Byzantium, p. 209—211.

³⁹ Это учение могло восходить и ко взглядам Филона Александрийского (см. сноску 76), а также, мне кажется, и к гностическим представлениям о демиурге.

⁴⁰ L. Nemoy. Karaite Anthology, p. 10, 21, 30—31.

⁴¹ М. С. Беленький. Что такое Талмуд. М., 1963, стр. 94.

⁴² L. Nemoy. Karaite Anthology, p. 334, 51, 333; Z. Anko y. Karaites in Byzantium, p. 381, fn. 64, p. 403, 408, 413.

⁴³ L. Nemoy. Karaite Anthology, p. XXIII.